

ВПЕРВЫЕ услышав со сцены Театра имени Моссовета голос этой актрисы, я была поражена. Откуда в маленькой, хрупкой женщине низкий, грудной, бархатный и такой огромный голос — голос Эдит Пиаф? Нина Ивановна улыбается: «От природы».

Спектакль можно посмотреть бесконечно — он ни разу не повторится. Пиаф многогранна, как настроение, жизненные коллизии, удачи и разочарования актрисы, женщины, человека...

— Нина Ивановна, у зрителя с вашим именем ассоциируется прежде всего образ Эдит Пиаф. И одновременно — малая сцена, фойе. Это ваше творческое кредо — камерность спектаклей, небольшой состав исполнителей, малое пространство?

— Да нет, конечно. Мне не важно, где играть. Но Пиаф — из фойе, она там родилась, это ее земля. Ей там просто удобнее существовать... С годами история рождения этого спектакля обросла легендами. А на самом деле...

Он появился случайно и закономерно. Режиссер меня в этом увидел, очевидно. И сначала в порядке шутки спросил, хочу ли я быть великой французской. Я в порядке шутки ответила: «Конечно». Потом уже всерьез была написана пьеса по книгам Пиаф «Моя жизнь» и «На балу удачи». Конечно, и гастроли во Франции сыграли свою роль. Я увлеклась французскими шансонье...

А вообще я постоянно играю актрис, певиц, балерин. Говорю больше об актерской душе, о художнике — мне это нравится, меня это интересует...

«Эдит Пиаф» — в репертуаре театра уже тринадцать лет. Спектакль, конечно, немножко старомодный. Есть в нем ретро-кусочки. Но, может быть, это и его главное достоинство? Важно, что он жив. В нем собрались настоящие артисты, играющие, с точки зрения зрителя, не такие уж важные роли и не всегда его удовлетворяющие. Нет, не потому, что они плохо играют. Порой просто зритель что-то недопонимает. Артисты настоящие. Знающие свое дело, знающие, чего они хотят, про что играют. Как у исполнительницы главной роли, мое настроение зависит от них. Даже больше, чем от настроения зала, потому что это настроение всегда можно собрать, сделать и поддержать. Редко, когда зритель не поддается: этот спектакль завоевал интерес. И люди уже приходят с желанием получить, а не с отрицанием. Раньше было иначе. Смотрела в зал и читала на лицах: «А ну-ка, выдай нам, чего мы про Пиаф не знаем...»

— Спектакль да и сама роль просто состоят из песен. А вы не поете в спектакле ни одной...

— Но как можно играть Пиаф и о Пиаф, исполняя ее песни? Рот под фонограмму открывать? Это все равно, что танцевать «под Павлову». Не петь — это как раз ключ к спектаклю, который нашел режиссер. Ну и мы, конечно.

Мы любили эту актрису. И все, что знали о ней, как мы ее воспринимали и понимали, говорили со сцены. Для меня было первым условием не подражать, не делать из себя Пиаф. В конечном счете я ведь не знаю, какой она была. Видела только маленькие отрывки из фильмов, а в основном — пластинки. Значит, эта роль — мое представление, мое отношение к ней. Естественно, и личное. В «Эдит Пиаф»

без своего, личного просто незачем выходить. Но рассказывать надо не о своих «болячках» — «болячках» Нины Дробышевой — а об актере, художнике, творческой личности. О том, как я представляю себе, что такое любовь.

...А понять, про что спектакль, — это в конце концов дело зрителя.

Раньше я зрителей боялась. Если со спектакля уходили, очень переживала. Теперь забочусь только об одном: как бы точнее и правильнее рассказать именно сегодня о том, что у меня на душе и по поводу спектакля, и по поводу моей творческой жизни. Зал — это мой собеседник...

Самого первого впечатления от сцены не помню. Но мне всегда нравилось выходить на нее. Начинала я в девятнадцать лет в Ленинградском ТЮЗе с лягушек, пажей, носила мантии. Это было замечательно. Гримировалась за два часа до выхода, и мне казалось, что я играю самую важную роль...

момента в жизни. Это происходило. Должно было происходить. Любовь к театру сложилась со временем. Жизнь — постоянная, каждодневная встреча со зрителем, живой контакт. Запах кулис, если хотите. Мне здесь не бывает скучно...

А с кинематографом, может быть, просто не сложилось? Во всяком случае я счастлива, что не ушла в кино, потому что выход на сцену для меня — самая большая радость.

Я готовлюсь к нему каждый день. Пеку утром блины, а в подкорке сидит, что вечером — спектакль. Я, наверное, их и пеку так, как бы это делала моя героиня. Весь организм себя настраивает, все клеточки работают на то, что предстоит. От подготовки зависит, будет ли спектакль живым, актуальным, личным и нужным всем...

— А самая актуальная проблема для вас?

— Дети.

ЛЮБЛЮ БЕСКОНЕЧНО

У нас в гостях заслуженная артистка
РСФСР Нина ДРОБЫШЕВА

А что касается Пиаф. Премьеры — всегда волнение. Дрожала от оборочек на платье до кончиков пальцев. «И хорошо. В этом есть живое», — успокаивал тогда мой партнер Слава Бутенко. Но все равно волнуясь — и до сих пор...

Единомышленники, друзья на сцене — это очень важно. Но есть еще счастливые партнеры. Таков для меня сейчас Сергей Проханов. Вполне закономерно — «Пять углов» мы играем совсем недавно, спектакль еще только входит в силу. И мы вместе ищем и открываем в нем то, что ускользало раньше. Очень дорог мне Стеблов, заставляющий все время существовать в спектакле непривычно, каждый раз несущий новое. Очень люблю молодую актрису Ларису Кузнецову. По-моему, у нее большое будущее.

А в «Пиаф» — Евтифьева, И Ленкова, конечно, и Иванова. Но Леня Евтифьев — это, пожалуй, тот актер, который больше всего умеет любить на сцене и дорожить тобой. В актере-партнере это и ценно. Поэтому сама я на сцене всех своих партнеров люблю бесконечно. Независимо от своего отношения к ним в жизни.

— Нина Ивановна, а почему в вашей жизни вообще «случился» театр? Вы ведь не из актерской семьи. Да и время было — война, Ленинград, блокада...

— Судьба, наверное. Я всегда играла. Скорее уж почему не кино? Вроде было и «Чистое небо», и еще ряд фильмов. И аудитория шире, и популярность...

Но в то время я о популярности не задумывалась. Есть она — и прекрасно. Я относилась к этому как к естественному

— У вас каждый день — репетиции, записи на радио, спектакли, телевидение... Остается время на друзей, семью? Вы успеваете себя женщиной чувствовать?

— Я домохозяйкой себя успеваю чувствовать. И только на сцене — всем, чем я хочу. За это и люблю сцену... А так — ничего не успеваю.

Хотя я считаю, что актер, актриса обязаны иметь время на отдых. Потому что бесконечная гонка обкрадывает. А так хочется себя почувствовать человеком, пойти в театр, посмотреть своих товарищей. Это надо! Из последних спектаклей, которые я видела, на меня сильнейшее впечатление произвела «Васса Железнова» Васильева. Смотришь ведь не как зритель — ищешь для себя отправные точки. Казалось бы, отдых. Но это — и работа...

Или смотрю эстраду. Мне нравится Пугачева. Не всегда могу согласиться с ее манерой исполнения, репертуаром. Но на сцене — личность.

А вообще я очень старомодна в выборе. Люблю французских шансонье, их стиль, манеру исполнения. Они поют, а на сцене рождаются целые миры... Ну, естественно, и Эдит Пиаф. Иногда даже боюсь выходить на сцену, думаю: «Что же сегодня? Что нового принести зрителю, открыть в себе? Не просто сыграть, а вложить свое — больное и радостное...»

«Мотоциклист» — голос сливается с мелодией. Выхваченная белым лучом софита из далеких 30-х годов Франции Пиаф... А после спектакля поклонники зрители обступят актрису, ухаживающую через зал, протягивая ей про-

граммки для автографов...

— Что для меня значит этот эпизод? Сегодня я уже оцениваю спектакль не по тому, как аплодировал зритель, а по тому, как я сама чувствую и по реакции партнеров. Если совпадает, значит, удалось. Зритель может обидеться, но... Я относусь к залу по-разному. Иной раз вроде все в порядке, ведешь спектакль точно, а перед тобой в первом ряду сидит полуспящее существо. Это просто выводит из себя, раздражает. Неприятно. И один человек может переменить твоё настроение на весь сегодняшний зал.

Зритель — разный. Есть очень интересный молодой зритель. Видишь, что после спектакля он помнит слушать Пиаф, читать книги, листать альбомы художников. Люблю молодых — и аудиторию, и партнеров по профессии. Умные, эрудированные, неуспокоенные. В их характерах есть общее, главное, соответствующее характеру времени. Это — страстное желание получать. Не материальные блага — духовные. И если удается сделать им такой подарок, вложить в них то, что заставляет трепетать молодое существо, зацепить какие-то струночки в душе, — я счастлива...

Я в корне не согласна с теми, кто молодежь упрекает в инфантильности, эгоцентризме. Или в лениности. У нас в театре есть блистательный, талантливый актер Сторожик. Немец в «Сашке», помните? Для него «Преступление и наказание» надо ставить, а он совершенно не используется! Это что — лень? Нет. Это какая-то неестественная и неприятная случайность или закономерность наших театров. Молодые актеры мучаются в маленьких ролях. То богатство, которое в них уже накоплено, не влезает в эти тесные рамки. Маленькие роли обязательны, но нужны и другие.

Мне повезло — я начинала с Джульетты. Скорее уж потом маялась: то болезнью, то несовпадение с режиссером, то в репертуар не попадаешь. А желание всегда одно — играть как можно больше. Но у театра свои планы — приходится идти на компромиссы.

Актёру, и уж, конечно, молодому актёру, нужна ежедневная тренировка. Как в балете. Иначе расползаешься. Нужны новые роли — тогда расцветает талант. Вот как наша Лариса Кузнецова. Это же огромный мир. Беспокоющийся, каждый день открывающийся по-новому. Я порой смотрю на нее и чувствую, что мне есть чему поучиться. И учусь. Потому что ответственность с возрастом актерским и человеческим растёт, мы выходим на определенный уровень. И ниже этого уровня, если ты его хоть однажды ощутил, нельзя позволять себе спускаться.

Мне дороги все мои роли. Это — женщины, актрисы. Значит, их устами я рассказываю о том, что меня беспокоит сегодня. И дети, и творчество, и вопрос войны и мира. Конечно, мир. И, конечно, жизнь. Я рассказываю о том, как она интересна, многогранна. Как прекрасна любовь. Я стараюсь влюбить зрителя в эту жизнь. Об этом — все мои спектакли...

Беседу вел
Е. ШАДРОВА.